

ОЧАРОВАННЫЙ ЖИЗНЬЮ

Георгий
МАРКОВ

1.

В ту пору я жил в Иркутске. Шли первые послевоенные годы. Многие менялись жизни людей, в облике и судьбе городов и сел, происходили стремительные перемены и с нашим городом. Разгром японского империализма, победа китайской революции, возникновение Корейской Народно-Демократической Республики, новые завоевания монгольского народа превратили Иркутск в главные ворота страны на Востоке. Самые высокопоставленные лица летели в Москву на переговоры, а затем возвращались из нее на родину, как правило, с важными политическими результатами. Вскоре по этому же маршруту потянулись известные общественные деятели буквально со всех континентов планеты. Тихому, далекому Иркутску пришлось взять на себя непростые функции встречи и проводов. Именно здесь, в Иркутске, мне пришлось познакомиться с Пабло Нерудой и Кубой, Георгием Караславовым и Ежи Путраментом, Го Мого и Мао Дунем, и не только с ними. Большинство летевших через Иркутск деятелей непременно хотели побывать на Байкале, посмотреть своими глазами «славное, священное море». Приходилось ехать вместе с ними в Листвянку, с некоторыми садиться на катер и плыть до ближайшей пристани Большие Коты, где размещалась научная станция известного исследователя Байкала профессора Михаила Михайловича Кожова. С точки зрения затраты времени это обходилось дорого, но и немало давало для познания времени, событий, людей.

Вдруг однажды звонит мне тогдашний первый секретарь Иркутского обкома партии Алексей Иванович Хворостухин.

— Опять к тебе с докукой... на этот раз свой летит... Надо встретить писателя Тихонова Николая Семеновича. Выходи, машина к тебе уже отъехала.

И вот мы на аэродроме. «Мы» — это и первый секретарь обкома партии, и председатель облисполкома, и представители общественности — знатный рабочий завода тяжелого машиностроения имени Куйбышева, профессор университета и, наконец, писатель.

— Все Тихонова встречаем?
— Не только его. Он прилетит вот-вот... А потом спецрейсом пожелает представить Китайской Народной Республики Сун Цинлин. Будем встречать ее с участием Тихонова.

— Сун Цинлин? Соратник и жена Сунь Ятсена?

— Она.
— Окажем ей все почести, положенные высокопоставленному зарубежному государственному деятелю.

Вскоре самолет из Пекина, на котором летел Тихонов, подрулил к аэровокзалу, сооруженному в большой спешке в связи с новой ролью, которая выпала на плечи старому сибирскому городу в контактах с державами Дальнего Востока.

Тихонов вышел из самолета уставший, даже слегка осунувшийся, но как всегда приветливый и внимательный ко всему происходящему. Хворостухин самым сердечным образом поздравил Николая Семеновича с избранием председателем Советского комитета защиты мира. Это движение набирало тогда силу на всей планете, и Тихонов в течение длинного ряда лет отдавал этому благородному делу весь жар своей неукротимой природы.

— О-о-о! — пожимая мне руку, протянул Тихонов. Это «о-о-о», которое впоследствии я слышал от Тихонова с самыми разнообразными оттенками — от удивления, восторга до осуждения, сейчас ввергло меня в недоумение. Я не был знаком с Тихоновым близко, мы виделись с ним лишь на каких-то заседаниях, и я решил, что он забыл меня и его возлагает следует принять, как нейтральное «здравствуйте», которое он уже сказал каждому из встречавших его. Я поторопился назвать свою фамилию для ясности.

— Ну, что вы! А только был я уверен, что живете вы в Новосибирске. А там ведь у нас живут Смердов и Коптелов, Савва Кожевников и Казимир Лисовский... Вот неожиданность.

— Да, да.
— А Александр Волошин — в Камеровсе... Игнатий Родственский, Сергей Сартаков — в Красноярске... Константин Седых — у вас же...

— И по-сибирски все рядом, Николай Семенович! От станка до станка тысяча километров. Только!

— О-о-о! Совсем рядом, — засмеялся Тихонов, и на этом литературная тема закончилась. Предстояло обсудить порядок проведения приема Сун Цинлин.

Едва мы договорились о деталях приема, как вошедший в комнату для депутатов Верховного Совета СССР начальник аэропорта доложил секретарю обкома Хворостухину, что самолет Сун Цинлин заходит на посадку.

Самолет приблизился к главному входу в вокзал, а мы встали в ряд для того, чтобы приветствовать важную особу. Первым стоял Тихонов, потом Хворостухин, рядом с ним председатель облисполкома и далее мы, представители общественности.

Поначалу, когда Сун Цинлин появилась на площадке лестницы, никто из нас не поверил, что это была именно она. В белой горностаевой шубке, отделанной черными хвостами, в собольей шапочке с козырьком, в мягких сапогах на толстой подошве, она скорее походила на знаменитую актрису, и лет ей можно было дать тридцать. «Она ли?». Но вот лицо желтоватое, с большими строгими и слегка раскосыми глазами, твердо сомкнутыми губами, с морщинками от носа к подбородку было не артистическим, а уж точно державным, под стать ее положению в самом высоком по числу жителей государстве на земле. Сун Цинлин опустила на две ступеньки, поддерживаемая одним из своих спутников, и увидела Тихонова. Вероятнее всего, будучи в Китае, Тихонов уже имел возможность познакомиться с ней. Сун Цинлин пожмала руку Тихонову, говоря что-то, должно быть, восторженное. Ее переводчик на русский, высокий худощавый китаец, явно не успевал за ней. Тихонов поздравил Сун Цинлин с прибытием в Советский Союз. Представил нас в порядке очередности. Сун Цинлин внимательно взглянула в наши лица, сдержанно и чуть покровительственно улыбалась. Через несколько минут все мы были в банкетном зале ресторана. Стол был подготовлен соответственно уровню гостей. Откуда только взялись в нашем далеком Иркутске в эти трудные годы такие деликатесы?!

Хворостухин от имени властей области приветствовал государственную особу, не упустив случая похвалиться Иркутском, его вузами, его природой и, конечно же, главным сокровищем области — Байкалом. Рассказал о промышленности, которая славно поработала на победу над немецким фашизмом и японским милитаризмом. Потом Сун Цинлин приветствовал от имени общественности профессор университета.

После небольшой паузы Сун Цинлин ответила на приветствия кратко и лаконично. В подлиннике ее выступление, должно быть, было просто изящным, потому что даже в переводе на русский оно прозвучало как стихотворение.

На всю, так сказать, официальную часть было затрачено 15 минут, а программой на обед отводилось полчаса. Чем же занять гостью дальше? Не сидеть же с ней молча? У Иркутян в этом смысле не было никакого опыта. И тут всех нас выручил Николай Семенович. Он умело вовлекал и гостью, и местных товарищей в беседу. Тихонов был изумительным рассказчиком, я об этом узнал позже, хотя и тогда, в первую встречу, понял, какой это вдохновенный человек. В его рассказах, и устных и письменных, всегда таилось что-то неожиданное, загадочное, поражающее воображение.

— Мне повеселилось поехать по Китаю, — рассказывал он. — В одном месте, в маленьком городке, заночевали. Утром рано проснулся, подошел к окну и глянул: неподалеку от домика, в котором мы остановились, возвышалась гора. Боже мой, откуда же она взялась? Я точно помню, что вчера в это же окно я видел перед собой ровное плато, уходящее к горизонту. Что за чудо? Что за светопредставление? Гора! Огромная гора! Я поспешил к переводчику: «Объясните, что случилось? Может быть, ночью было землетрясение и земная кора сместилась в складку?». «Нет, землетрясения никакого не было, товарищ Тихонов. Происхождение горы рукотворное. Китайские

землекопы, отрывающие поблизости котлован для будущей стройки завода, за ночь нанесли эту землю в мешках. Да, да, в мешках и без всякого шума. У нас пока еще мало техники... Китаец привычен к тяжелому труду, он изобретателен в этом, он закален...»

И это действительно так, — продолжал Тихонов. — В одном месте, вижу, китайцы переносят какие-то тюки. Переносят на длинных шестах, точнее, на коромыслах. Когда китаец принимает груз на плечи, ему помогают еще двое, а несет он один и чуть-чуть бегом. Коромысла изгибаются, тюки покачиваются, и можно даже воду носить, через край ни капли не выплеснется. Так все уравновешено, так точно распределен груз. Меня это очень заинтересовало. Остановились мы. Я подошел к рабочим: «Позвольте попробовать?» — «Пожалуйста». Выделили мне шесть с тюками, подставил я плечи и... чуть не упал. А хитрость в том, чтобы, как только шесть коснулся спины, в тот же миг перейти на бег... Нет, не удалось мне. Китаецем надо быть, чтоб уметь справиться с такой работой.

Все мы слушали Тихонова с интересом, а Сун Цинлин не сводила с него глаз, изредка она всплескивала руками и смеялась искренне, просто душою, наверняка забывшая, при исполнении какого ответственного долга находится...

А когда заговорили о китайской поэзии, Тихонов начал цитировать поэтов древности. Тут же он поведал нашей гостье да и всем нам, кем и когда переведено то или иное стихотворение, какую реакцию вызвало творчество того или иного китайского поэта в кругах русской поэзии.

Сун Цинлин слушала все это как завороженная. Ее строгое нежное лицо было при этом ослепительно красивым, неповторимо красивым. И когда вошел начальник аэропорта и сообщил, что самолет готов следовать дальше по заданному маршруту, тень внутреннего неудовольствия промелькнула в глазах Сун Цинлин. Она готова была слушать Тихонова еще и еще.

— Вы пробыли в стране так недолго, но сколько же всего вы увидели у нас. Только настоящий друг может так говорить о другом народе, — сказала Сун Цинлин, прощаясь с Тихоновым.

Она не знала, конечно, что после ее отлета Николай Семенович с той же точностью и образностью рассказал нам о жизни ее самой, о Сунь Ятсене, о китайской революции, о гигантских возможностях китайского народа, начавшего в 1945 году с помощью Советской Армии новую главу в своей истории.

Через час улетел в Москву и Тихонов, оставив в наших душах неизгладимую память о себе.

2.

Когда я начал работать в секретариате Союза писателей СССР (это был январь 1956 года), Николай Семенович Тихонов имел уже огромный опыт творческой и общественной деятельности. Секретариат Союза в ту пору не был столь многочисленным, как теперь. Работали в нем выдающиеся писатели, и среди них: А. Фадеев, К. Федин, Л. Леонов, А. Сурков, К. Симоненков, Б. Полевой и, конечно же, Н. Тихонов. Между секретарями существовало твердое распределение обязанностей. Николай Семенович руководил всеми братскими связями с национальными писателями и потому являлся председателем бюро по литературам народов СССР.

Среди известных и опытных товарищей, какими были большинство членов секретариата, мне было в нелегко, и просто. И опыта не было, и известности не хватало. Сидя за столом на заседаниях секретариата и президиума рядом с такими писателями старшего поколения, как В. Иванов, С. Маршак, А. Соколов, А. Прокофьев, А. Корнейчук, М. Бажан, П. Бровка, Б. Кербабаяев, М. Ауэзов, И. Абашидзе, М. Турсун-заде, я особенно чувствовал это. И тем пристальнее вслушивался в литературные разговоры, старался понять их смысл, про себя оценить и сильные стороны, и слабые наших пространств собеседований.

Из секретарей правления меня особенно поражал Николай Семенович Тихонов. Он был обязательным и точным. Я не помню случая ни тогда, ни в последующее время, чтобы он опоздал на какое-нибудь дело хотя бы на одну минуту. Выступал он всегда кратко, как правило, по существу обсуждаемого вопроса. Он знал многие сотни писателей не только по именам, но и по их книгам и биографиям.

После XX съезда КПСС секретариат обособленно занимался делами восстановления писателей, незаконно репрессированных в 1937—1938 годах и позже. Тяжело и горько было сознавать, что многим уже паспорта не требовались. Их реабилитировали посмертно. Но вслед за гражданской реабилитацией нужно было осуществить реабилитацию творческую, литературную. В короткие сроки те или иные произведения пострадавших писателей были изданы, а затем переизданы. По указанию Центрального Комитета партии этим занимались все издательства — республиканские, областные и центральные.

В эти месяцы Тихонов работал без устали. Он писал предисловия к книгам восстановленных, консультировал неизданные рукописи, редактировал, вступал в контакт с издательствами и писательскими организациями, помогал реабилитированным товарищам в получении жилья, пособий, путевок в санатории и дома творчества. Он знал, что происшедшую трагедию надо скорее пережить, уйти от нее, обратиться к прошлому. Только так можно облегчить судьбы людей.

Много энергии отдал Николай Семенович проведению декад литературы и искусств братских республик. Как известно, эти декады проходили широко, к ним привлекалось внимание всей страны. Писатели, артисты, композиторы, художники братских республик ехали в Москву с чувством волнения не только как на праздник, но и как на своеобразный экзамен. Тем более, что декады завершались наградами, присвоением почетных званий, похвальными, не всегда объективными, итоговыми статьями во всех центральных газетах.

Некоторое время спустя декады были отменены. Справедливо указывалось, что помпезность, шумиха вокруг декад не только обходилась государству в большую копейку, но и создавала в творческой среде нездоровую обстановку показухи, зависти друг к другу, притормаживала приток новых сил.

Но несмотря на очевидные потери, декады сыграли свою положительную роль в профессиональном росте национальных творческих кадров. Задолго до декад в республиках, в порядке помощи, отправлялись лучшие столичные переводчики, режиссеры, ученые — искусствоведы, критики. Чаще всего это было реальной формой помощи мастерам национального искусства. Десятки замечательных книг в результате такой работы выходили на всесоюзную арену. И спектакли тоже, и картины, и музыкальные произведения... Можно лишь сожалеть, что, отменив декады, мы не удержали для дела и то полезное, важное, что было в них. Николай Семенович не раз потом с сожалением говорил об этом.

Дружба народов и дружба литератур не были для Тихонова понятием отвлеченным или служебным, что ли. Дружить с писателями республик, изучать их творчество, пропагандировать его было свойством его природы. Все непознанное им рождало в нем страстный интерес. Незвестные книги он тотчас же прочитывал. Незвестных писателей находил и знакомился с ними. Классическое наследие братских народов становилось поприщем его исследований. В каждом деле он доходил до истоков, до корней. И все это не по должности, не по служебному долгу, а исключительно по душевному тяготению, по таланту своего глубококого, открытого ума.

Не берусь подсчитывать, сколько Николай Семенович написал статей и произнес докладов с деятелях национальных культур. Думаю, что это исчисляется сотнями имен. А его собственная переводческая работа — это высочайший пример подлинного поэтического вдохновения.

Стоит вспомнить, к примеру, его переводы грузинских поэтов, благодаря которым на нашем многонациональном поэтическом небосклоне ярко засияли звезды первой величины.

Охваченный неутомимой жаждой познания нового, Николай Семенович любил ездить по стране и миру. Он не мог жить равнодушно, если вокруг было столько незлобного. С радостью он отправлялся и в далекие, и в близкие путешествия. На самолетах, поездах, теплоходах, на конях, пешком — он исколесил десятки государств, советские республики, горы и долины, степи и леса Родины. К. Федин, написавший о Тихонове проникновенное эссе, верно подметил, что в нем жил дух путешественника и исследователя. Как известно, он исходил пешком Северный Кавказ и Закавказье, был опытным альпинистом, досконально знал географию, экономику, историю. Он поражал всех своими энциклопедическими знаниями, помнил наизусть тысячи строк поэтов разных времен, держал в памяти уйму биографических подробностей из жизни знаменитых людей, и не только знаменитых, но и обычных людей, с кем его сталкивала жизнь.

Мне пришлось с Николаем Семеновичем бывать в Украине, в Азербайджане и Грузии, в Ленинграде, наблюдать за его манерой общения с людьми, слушать его были и небывалицы.

Помнится, мы ехали из Тбилиси в Вадзю — в скальный древний город. Нас сопровождал один грузинский известный писатель. По дороге он, проявляя естественное внимание к гостям, приехавшим на юбилей Шота Руставели, рассказывал об эпохе великого поэта, об истории грузинской государственности, о борьбе грузинского народа за сохранение своей национальной самобытности.

Николай Семенович вначале слушал молча, потом начал кое-где уточнять рассказчика, а когда тот счел убойный рассказ законченным, Тихонов, что называется, шире развернул сюжеты нашего друга, насыщая их новыми фактами и именами.

— Когда и где вы столько узнали о грузинах, Николай Семенович? — не скрывая своего изумления, спросил я.

— О-о-о! У грузин изумительно интересная история! Занимаясь переводами грузинских поэтов, я невольно чуть прикоснулся к их прошлому.

Но Тихонов не «чуть», а великолепно знал не только прошлое Грузии, он отлично знал ее настоящее.

В этой же поездке, только по другому поводу, зашел разговор об энергетических ресурсах республики. Говорили о ее реках, полезных ископаемых, о богатстве грузинской природы. Николай Семенович и тут выказал редкостную осведомленность. Даже относительно произрастания

чая он знал такие подробности, которых мы слыхом не слышали.

— Я по Грузии много бродил пешком, а когда идешь по земле пешком, она открывает тебе во всех своих свойствах, — объяснил Тихонов происхождение своих знаний.

Не могу не вспомнить еще один любопытный факт, характеризующий страсть Тихонова к познанию новых мест.

Большая группа писателей приехала в Азербайджан. Здесь проходили Дни советской литературы. После торжественного открытия дней в Баку нам предстояло разделиться на группы и выехать в города и села республики.

Оберегая и покой, и здоровье Николая Семеновича, мы предложили ему остаться в Баку. Но он решительно запротестовал: — Баку я хорошо знаю. Я тут много раз бывал. Отправьте меня в Ленкорань. Это ведь чудо природы! Жемчужина Закавказья! Не увидите этого — знаете, что это? Упадок любопытства... Да... Да...

Мы попытались отговорить Николая Семеновича трудностями дороги: ночь в поезде, затем придется трястись на машине, в самом заповеднике идти пешком. Там тишина — первейшее условие...

— Ах, как интересно! Еду!

И тут уже остановить Тихонова было невозможно. Он уехал в Ленкорань.

Вернулся Николай Семенович через несколько дней совершенно неузнаваемым. Ленкоранский заповедный район порастил его. Он вспоминал свои путешествия по заповедным местам Индии, Шри-Ланки, Бирмы, Пакистана, вспоминал книги знаменитых путешественников, исследователей, приводил сравнения с какими-то одному ему известными научными работами в области биологии и охотоведения.

Военная история, история полков и дивизий, история походов и сражений с молодых лет привлекала Тихонова. Недаром же собственную военную профессию он начинал как историограф своего полка.

Участник всех четырех войн, случившихся в годы его сознательной жизни, человек, переживший блокаду Ленинграда, он ко всему, что связано с армией, ар-

мейской службой, защитой Отечества, относился с пристрастием, я бы сказал, обостренным вниманием. Мне приходилось вместе с Николаем Семеновичем бывать у военных товарищей по их различным приглашениям. Он всегда охотно шел на эти встречи, а оказавшись в военной среде, преображался, умея быть и чутким слушателем, и занимательным рассказчиком, и деловым представителем своего литературного цеха.

В последние годы Николай Семенович не рисковал уже совершать дальние путешествия, но умел придавать цель и масштаб самым обычным прогулкам на природу.

Однажды в Переделкине, под Москвой, произошел такой случай. Стоял сентябрь с редкими дождями и туманами. Уже пламенили перелески. Рябиновые кусты сгибались под тяжестью ярко-красных гроздей. С елей падали подсыхшие шишки. Осень входила в пору своего щедрого плодородия. Рано утром, когда дачный поселок пребывал еще в дреме, я вышел в проулок, упиравшийся в плотный массив леса, и увидел Тихонова, спешившего мимо дачных усадеб сюда же, к повороту в лес. Он был в брезентовой широкополой шляпе, в спортивной легкой куртке, в брюках, заправленных в гамашу, в кедах. В руках его был отполированный ладонями увесистый посох, за плечами рюкзак, а на груди размещался посконный мешок. Подумалось: вот так, основательно подготовив себя, он отправлялся в путешествия по горным тропам Кавказа, а теперь он лишь воображает, что идет в далекий путь. Где же здесь путешествовать? Чуть прямо прошел — один поселок, налево свернул — второй, направо — третий. Но так лишь казалось со стороны.

— Далеко ли, Николай Семенович? — По России, — усмехнулся он. —веду заготовки к зиме. Много всего требуется.

Уже в сумерках я снова встретил Николая Семеновича. Он шел, пошатываясь от усталости и поклажи. Рюкзак его был набит шишками, рябиновыми ветками с ягодами, пучками мха, корешками трав. Мешок на груди разбух от спрессованных клочков соломы и сена.

Не только жители Переделкина, все в округе знали, что усадьба Тихонова в зимнее время становилась местом обитания диких зверей и птиц.

С наступлением холодов Николай Семенович устанавливал кормушки, утеплял скворечники и котушки, вывешивал пучки рябиновых ветвей, раскрывал сарай, углы которого были забиты старой одеждой. Не только зверькам, но и заблудившейся кошке или собаке здесь был подготовлен и ужин, и ночлег.

Бывая в зимнюю стужу в дачном доме Николая Семеновича, я каждый раз отмечал: на вершинах деревьев копошатся стаи птичек, а снег испещрен следами белок, кошек, собак. Бывали случаи, когда Николай Семенович отогревал бедую птичку в своем кабинете, среди папок с рукописями и книгами. Известен фотографический снимок: на плече у Николая Семеновича уютно пристроилась неподступная круглоглазая сова.

Если кто-то из приехавших к Тихонову замечал приметы забот Николая Семеновича о наших младших, он воспринимал это как великую похвалу.

— О-о-о! Все любят ласку, все, — гудел он, посмеиваясь, удовлетворенно подтирая крупные, рабочие ладони.

3.

Глубину тихоновского профессионализма я почувствовал, когда столкнулся с работой Николая Семеновича в Комитете по Ленинским и Государственным премиям. Тихонов по складу ума и души был художник. Слово было подвластно ему в самых разнообразных формах. Отличный

поэт, в стихе которого светились высочайшие взлеты искрометного таланта, Тихонов в совершенстве владел прозой, умея превращать ее то в легкий, игриво-причудливый поток красок и звуков, то обращая ее в тяжелую поступь образов и понятий, овещественных и очеловеченных до предела.

И в поэзии, и в прозе он умел быть и нежным, и ласковым, и тихим, и громким, и жестким. Он пронзительно чувствовал прекрасное не только в литературе, он столь же тонко и объемно понимал музыку, живопись, театр, кино, скульптуру. Его высказывания на обсуждениях в комитете поражали всех своим профессионализмом, точным анализом, требовательностью. По каждому поводу он умел высказываться определенно и всегда очень индивидуально. Помимо формы произведения, оригинальности, авторского почерка, незаемности материала, Тихонов первостепенное значение придавал направленности таланта. Сформировавшийся как художник в Октябрьскую революционную бурю, отдавший лучшие годы своей жизни защите завоеваний нашей революции и социализма, убежденный участник становления нового мира, Николай Семенович не мог быть нейтральным к вопросу: кому служит искусство? Чьи интересы отстаивает художник? Наконец, к чему он зовет читателя, слушателя, зрителя? Он был пронизан до каждой жилки своего существа страстью революционного борца. Он был истинным строителем народной социалистической культуры. Тут был его личный, так сказать, идейно-художественный окол, который он ни за что не уступил бы никому и ни под каким видом.

По собственному опыту Тихонов знал: произведение искусства — дело ума, сердца, опыта художника. Вероятно, поэтому он предельно был внимателен к труду и писателя, и музыканта, и артиста, и живописца. Сильное было произведение или слабое, Николай Семенович стремился вникнуть в особенности художественного взгляда автора на жизнь, понять творческие принципы мастера и манеру его работы. Не жалея времени, Николай Семенович охотно посещал спектакли, концерты, выставки, прочитывал книги, заполнял их продолговатыми листочками со своими пометками.

Свои первые впечатления о том или ином произведении он в узком кругу товарищей чаще всего выражал двумя-тремя фразами:

— О-о-о! Настоящее! После такого спектакля считать ночь потерянной. Не уснешь! Вздыбли артисты душу до дна!

— А роман, извините, многословный, вязкий. Слова... слова... и все ни о чем, мимо... мимо.

Но вот что важно — он никогда не считал свое мнение непогрешимым, не возводил свои суждения в степень окончательных. В процессе дискуссии, порой видя, что его мнение оспаривается другими, он отступал:

— Надо перечитать. — Или еще категоричнее: — А вот этой стороны я не учел... Это действительно хорошо. — И все это говорилось просто, искренне, и его авторитет от этого нисколько не убывал, уважение к нему росло и углублялось еще больше.

Николай Семенович Тихонов умел совмещать самые различные обязанности, не теряя попусту ни одного дня, ни одного часа. Этому умению немало дивились все знавшие этого изумительного человека.

Алексей Сурков, как и многие другие товарищи, любивший Тихонова, как-то очень метко сказал о нем:

— Николай Семенович у нас, как комбайн. И жнет, и молотит, и зерно ссыпает.

О жизни Тихонова рассказано далеко не все, хотя и написано о нем и исследованию, и воспоминаниям. Тихонов — это человек-легенда, человек-факел. Очарованный жизнью, он долго будет служить новым поколениям людей примером того, как надо жить, чтоб существование человека на земле становилось подвигом.

В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

«Дальневосточный край — почти моя родина. Здесь находится село, в котором я вырос — здесь я прошел школу партизанской войны, вступил в партию, оформился как боец. Здесь живые люди — герои моего романа» — эти слова Александра Фадеева относятся в первую очередь к Чугуевке, в которой прошли луч-

шие годы его детства и юности. Чугуевцы бережно хранят память о писателе. Именем А. А. Фадеева здесь названа средняя школа, в которой создан школьный музей писателя и клуб «Фадеевец». А 4 сентября 1960 года в чугуевском доме родителей Александра Александровича был открыт литературно-мемориальный музей

А. А. Фадеева. Сегодня в его фондах собрано около 6 тысяч фотографий, писем, книг, документов, освещающих жизнь и творчество классика советской литературы.

Недавно в доме-музее писателя открылся выставочный зал с экспозицией «Произведения А. А. Фадеева в театре и кино». В этом зале посетители могут

посмотреть слайды, рассказывающие об экранной и сценической жизни произведений Фадеева. Новые документальные свидетельства творчества писателя собраны работниками музея при участии театральной общественности России.

Наш корр. с. ЧУГУЕВКА, Приморский край

Памяти А. А. Фадеева